

В. В. МОРОЗОВ

Лицевой летописный свод о походе Игоря Святославича

Задачей данной статьи является анализ повествования о походе Игоря Святославича в 1185 г. в составе Лицевого свода.

Рассказ о походе читается в Лаптевском томе Свода¹ (л. 641—652, известие о солнечном затмении 1 мая — на л. 640). Он выделен киноварным заголовком «О Олговичехъ како ходиша на Половцы и много зла створиша имъ», заимствованным из Воскресенской летописи. Сам же текст представляет собой особую компилятивную редакцию, основанную на синтезе известий Никоновской и Воскресенской летописей.²

Начало рассказа Лаптевского тома («Того же лета . . . и притиснувши ихъ к воде»), заимствованное из Воскресенской летописи,³ продолжено по Никоновской летописи («И бысть брань . . . прииде отъ нихъ на Русь»).⁴ Затем следует небольшой фрагмент из Воскресенской летописи («некто же гость . . . идемъ по своимъ»)⁵ и далее снова по Никоновской летописи («Князь велики же . . . разыдопаша в страны своя»)⁶. Завершение рассказа («Услыша же Половцы . . . за грехи наша») заимствовано из Воскресенской летописи.⁷ В Лаптевском томе оно выделено киноварным заголовком «О Половцехъ».

Такое сложное использование двух источников предполагает целенаправленный отбор их фрагментов для создания новой редакции. Попытаемся выявить тенденциозность составителей Лицевого свода в описании похода 1185 г. (в Лицевом своде — 1186 г.). Для этого сравним две редакции — принятую для Лицевого свода и отвергнутую.

ЛС — ВЛ

НЛ

л. 641 *О Олговичехъ како ходиша на Половцы и много зла сотвориша им. Того же лета здумавше Олгови внуцы ити на Половцы, не ходиша бо съ князьми Русскими, но поидоша сами собою, ркуще: «мы есмци не князи, таковы же себе хвалы добудемъ». // И сняшася у Пе[ре]яславля Игорь Святославич из Новагорода Северьскаго с двумя сыномъ, и братъ его Всеволодъ ис Трупча, и [О]лговичъ Свято-

Того же лета совещахся Олгови внуци поидоша на Половци, и свяхася у Переяславля: Игорь Святославич со двумя сыны изъ Новагорода изъ Северскаго, и Всеволодъ ис Трубческа, и братъ его Святославъ Олговичъ изъ Рылска, и сыновець ихъ и Чръниговская помощь, и приидоша в землю Половецкую; елици же обретошася тамо Половци идоша во сре-

¹ ГПБ, F.IV.233.

² Б. М. Клосс указывает на переделку Никоновской летописи по Воскресенской для Лицевого свода статей 6692—6694 гг. См.: К л о с с Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980, с. 211.

³ ПСРЛ, т. X, с. 12—13; т. VII, с. 98—99.

⁴ ПСРЛ, т. X, с. 13.

⁵ ПСРЛ, т. X, с. 13; т. VII, с. 99.

⁶ ПСРЛ, т. X, с. 13—14.

⁷ ПСРЛ, т. X, с. 14; т. VII, с. 99.

* Подчеркнуты киноварные заголовки и инициалы.

л. 642 славъ из Рылска, и Черниговская по-
 моць, и внидоша на землю Половецкую. //
 Слышавше же Половцы поидоша, ркуще:
 «братиа наша избита, а инии изымани,
 а се опять идутъ на нас», и послаша
 по всей земле той, а сами поидоша про-
 тиву княземъ, ожидающе дружины
 своя. А князи таки поидоша к вежамъ
 их, они же, не пустяша их въ вежи своа,
 сретоша их, дружины своя не дождав-
 ше, // и съступашася обоя, и побежени
 бывше Половцы и биша их до вежъ,
 множество полона взяша, жен и детей. //
 л. 643 И стояша на вежахъ 3 дни, веселя-
 щася, а рекуще сице: «братиа наша
 ходили съ Святославомъ съ великимъ кня-
 земъ и блися съ Половцы, зряще на
 Переаславль, а они сами къ нимъ пришли,
 а в земли их не смели по нихъ ити,
 а мы въ земли ихъ есмь избиили ихъ,
 а жены ихъ и дети у нас въ полону,
 а еще поидемъ за ними за Днѣ, и до
 конца избиемъ ихъ, а аще будетъ намъ
 ту на нихъ победа, то идемъ по нихъ
 и до лукомориа, идеже не ходили // деды
 наши, да возьмемъ си до конца честь и
 славу». Сиа же глаголюще, а строения
 божиа не ведуще. Останок же избивенныхъ
 прибегоша ко дружине своей, идеже быху
 вѣсть преже послали, а сказаше имъ
 свою погыбель; // они же слышавше по-
 идоша противу княземъ, а по другиа
 посланася. // И сретешася съ ними, би-
 шася стрелцы межи себе 3 дни, и копиа
 снимашася, ожидаху бо Половцы дру-
 жины своя, а симъ къ воде не дадущи
 пройти. // Придоша же Половцы вси
 ко дружине своей, и бысть ихъ многое
 множество; Олговичи же видевше ихъ
 ужасошася, и величания своего отпа-
 доша, аще же изнемогли бяху и безво-
 диемъ сами и кони отъ зноя, и посту-
 пиша мало въ воде, по 3 дни бо не пу-
 стили ихъ бяху къ воде; Половцы же
 устремишася на нихъ, и притиснуша ихъ
 къ воде. //

ЛІС — НЛ

л. 645 об. И бысть брань велика и сеча зла, мно-
 зи же Рустии воп и кони пометаша,
 пеши бяхуся съ Половцы; бе бо кони
 ихъ изнемогша; убиша же тогда и дивна
 богатыря Добрыню Судиславича. //
 л. 646 И прииде гнев божий на Русския воя,
 и побежени быша вси, и изымаша князей
 Русскихъ, и боаръ и велможъ, а иныхъ
 избивша, и погиге Русскихъ вой память
 съ шумомъ; не в гордости бо, но в сми-
 ренни помощь божиа есть. И такова беда
 сотворися, яко ни единъ вестникъ при-
 иде от нихъ на Русь; //

ЛС — ВЛ

л. 646 об. Некто же гость поиде путемъ темъ,
 Половцы же приказаша съ нимъ къ Рус-
 скимъ княземъ, глаголюще: «поидете по
 свою братню, или мы къ вамъ идемъ
 по своихъ». //

тение Русскимъ княземъ, а по иныхъ
 своихъ Половцевъ, ту сущихъ, овехъ
 избивша, а иныхъ прогониша, и взяша
 жены ихъ и дети ихъ, а вежи ихъ пожго-
 ша, и стоаше на вежахъ техъ три дни.
 Половцы же, избегши отъ нихъ, поведаша
 дружине своей, инымъ Половцемъ, беду
 свою отъ Русскихъ князей; они же оскор-
 бившеся начаша эбиратися. Князи же
 Рустии стоавше три дни на вежахъ
 Половецкихъ, и совещававшеся, глаго-
 лаше сице: «се уже сихъ Половцевъ
 победихомъ, поидемъ убо еще въ поле,
 и победимъ иныхъ Половцевъ, и имя
 себе и славу обрящемъ вечну», не ве-
 дяще яко богъ гордымъ противится,
 а смиреннымъ даеть благодать. Половцы же
 не мнози собравшеся, и придоша на
 нихъ, и стаха аки демони сюду и сюду
 скакати, ни наступаще, ни прочь отхо-
 дяще, но тако стрелцемъ стреляющимся,
 ожидаху бо иныхъ Половцевъ за собою
 многиа силы; и тако лицемерствующе
 и стреляючися три дни, а копья и саб-
 лями не снимающеся, ожидающе дружины
 съ часу на часъ, а къ воде Русскому
 воинству не дающе приступити. Таже
 придоша многое множество Половецъ,
 и отнюдъ Русское воинство отлучиша
 отъ воды, и уже бяху три дни сами и
 кони ихъ воды во уста не впускаху,
 и изнемогша безводиемъ сами и кони
 ихъ, бе бо тогда зной велици зело, таже
 приступиша къ воде, и бе нужда велика;
 Половцы же притиснуша ихъ къ воде,

ВЛ

и бишася съ ними крепко, и бысть сеча
 зла велми, дружин же съ конь сседоша
 бяхуся, уже бо и кони подъ ними из-
 немогли бяху. Побежени быша князи
 Рустии, гневомъ бохипмъ, изымани была
 вси, а боаре ихъ и дружина вся избиты
 бяху, а инии изымани, п ли язвени; и
 возвратишася съ победою Половцы,
 а про князей Рускихъ не бе кому и вѣсти
 принести, за наше согрешение и гор-
 дость.

НЛ

потомъ же Половцы приказаша з гостми
 на Русь ко княземъ, глаголюще сице:
 «приидите по братию свою».

ЛС — НЛ

- л. 647 Князь велики же Киевский Святослав Всеволодовичъ и прочии князи, слышавше о сродницехъ своихъ тако сотворившееся, възплакаше кричаще аки ума и смысла испадоша. // Также по многихъ слезахъ князь Киевский Святослав Всеволодовичъ посла по сыны своя и по вся
- л. 648 об. князи Русския, // и собравъ воинство много, и поиде на Половцы, и приидоша къ Каневу. // Половцы же слышавше идуще на нихъ великого князя Киевскаго Святослава Всеволодича, со всеми князи Русскими и со многими воинствы, и бежаша за Донъ. // Князь велики же Киевский Святославъ Всеволодовичъ и вси князи Русстии, слышавше бежавшихъ Половцевъ, и возвратишася къ Киеву, и разыдошася въ страны своя. //

ЛС — ВЛ

- л. 649 об. О половцехъ. Услышаша же Половцы князей возвратившихся, и гнаша отай къ Переславлю, // и взяша все городы по Суле, у Переаславля же бипшася день.
- л. 650 Володимерь же Глебовичъ виде острогъ взимаемъ, и выиде изъ города на нихъ в мале дружине, и бися съ ними крепко, и обступаша князя зле; // гражане же видевше изнемогающихъ своихъ, и вкоре текше изъ града вси, и сташа крепко битися съ ними, // и едва отняша князя, бодена трема копьи, и, вбегше съ нимъ въ городъ, затворишася. Половцы же со многымъ полономъ възвратишася въ вежи свои. // По малехъ же днехъ Игорю Святославичю Олгову внуку, утече у Половецъ; не оставитъ бо господь праведнаго въ руку грешнику; гоняша же по немъ и не обретоша его, и тако избави его богъ изъ руку поганыхъ; прочихъ же начаша твердо дръжати, и многими железы отягчати ихъ. Се же все бысть за грехи наши.

ВЛ

Слышавше же то князи о братьи своей и о боярехъ и о всехъ хрестиянскихъ воехъ, яко тако имъ бысть погибель, и возопиша вси въ болезни сердца и бысть плачь и стенание въ нихъ, овемъ убо братья избита и изнимана, а другимъ отци и ближники. Князь же Святославъ Киевский посла по сыны своя и по все князи, и приидоша вси в Киевъ, и выступиша къ Каневу; Половцы же услыша всю землю Рускую идущу, бежаша за Донъ, князи же возвратишася въ Киевъ и разыдошася кийждо восвоися.

НЛ

- л. 649 об. О половцехъ. Услышаша же Половцы князей возвратившихся, и гнаша тайно вследъ ихъ, и не постигше ихъ идоша къ Переславлю безвестно, и бипа весь день, и многихъ избипа, и острогъ начаша взимати; князь же Володимерь Глебовичъ виде острогъ взимаемъ, и дерзнувъ иде на нихъ самъ з дружиною своею, и ту много дружины его избипа, мало же и самага не убиша князя Владимира Глебовича, едва бо отъяша его бодена треми копьи. И тако взяша вся грады по Суле, и возвратишася со многымъ полономъ и богатствомъ въ землю свою Половецкую. Того же лета князь Игорь Святославичъ утече у Половецъ; не оставитъ бо господь до конца праведника в руку грешнику, и сердца сокрушена и смирена богъ не уничтожитъ, и егда обратися и въздохнеши, тогда спасешися. Половцы же много гнашеся за нимъ и не постигоша, яко же Саул Давида.

Первое, что показывает сопоставление трех важнейших летописей XVI в., — выбор составителями Лидевого свода в качестве источника более распространенной редакции, более распространенного повествования. Второе — заимствование отдельных фрагментов из Воскресенской и Никоновской летописей было подчинено определенной тенденции: Ольговичи «не ходиша бо съ князми Русскими, но поидоша сами», тогда как предшествовавший поход 1184 г. во главе с великим князем киевским и битва на р. Орели были успешными. Половцы, узнав о новом походе, говорят: «Братия наша избита, а инши в изымании, и опять идуть на насъ». Совсем свежий опыт подсказывает им тактику, от которой отказались тщеславные Ольговичи, завидующие успеху предприятия великого князя («мы есми цы не князи, таковы же себе хвалы добудемъ»): гонцы с известием о выступлении северских князей «послаша по всей земле» степняков. Первая победа Ольговичей над половцами вселила в них большую гордыню («идемъ по нлхъ и до лукомориа, идеже не ходили деды наши»). Небольшие дружины трех князей, конечно же, не в состоянии противостоять объединенному войску половцев («и бысть ихъ многое множество; Олговичи же видевше ихъ ужасошася»). Русские бьются храбро, но «побежени быша вси». С получением известия о несчастье оставшиеся на Русп князья «возплакаше кричаще аки ума и смысла испадоша», однако

сепаратизм позволил дойти дружинам, собранным великим князем, только до Канева, где они после кратковременного стояния — угрозы — вернулись («возвратиса къ Киеву, и разыдоша въ страны своя»). И сразу же оголенное Посулье стало жертвой половецкого набега («взяша все города по Суле»), уцелел лишь Переяславль благодаря единству горожан и князя Владимира Глебовича.

Того же дѣла мѣсто въ городѣ бѣутиша
 то горшцы поганкиа переясла . и на
 мѣсто нева непергоша нѣмѣтѣ
 того же дѣла мѣсто малѣ . и на памя
 стѣи оу рѣкѣ рѣмѣ . передоу на дѣрнѣ
 бѣи знаменѣ сѣлѣтѣ мѣсто бѣи .
 и сѣбѣ бо дѣшѣтѣ . и сѣнѣ бѣ дѣи
 дѣти на оу дѣи бѣ оу тѣи сѣи .
 сѣи сѣи оу дѣи сѣи мѣсто и нѣ рѣгѣ
 сѣи коу гнѣи мѣсто нѣ оу жѣи сѣи

ГПБ, F. IV, 233, л. 640.

Все случившееся составители объясняют «грехами», которые, впрочем, вполне конкретны: младшие князья «пойдоша сами собою», что уже предопределяло провал; их охватила сначала зависть («мы есми цы не князи»), затем гордыня («братна наша . . . билися съ Половцы, зряще на Переяславль»), затем — при встрече с объединенными силами половцев — страх («и величания своего отпадоша»). Так опрометчивый поход («строе-ния божиа не ведуще») привел к гибели русских дружин («и погibe Русскихъ вой память съ шумомъ») и несчастьем всей русской земли («половцы же со многымъ полономъ възвратиса въ вежи свои»). И даже бегство Игоря («избави его богъ изъ руку поганыхъ») стало причиной новых бед для его плененной дружины («и рочихъ же начаша твердо дрѣжати, и многими железы отягчати ихъ»). Такова суть извлечений из двух летопис-

сей в состав «исторической энциклопедии XVI века» (термин А. Е. Преснякова).⁸

А что же осталось за ее пределами? Рассмотрим отвергнутые фрагменты (они как бы составляют единый рассказ). Ольговичи (« совещашиеся») вышли на половцев, которые выступили навстречу, послав, однако, за помощью («по иным своим»). После первого успеха русские князья возгор-

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 641 об.

дидись («и победимъ иныхъ Половцевъ, и имя себе и славу обрячемъ вечно»), тогда как половцы уже «начаша збиратися», заманивая («лицемерствующе») Ольговичей в ожидании объединенных сил, с приходом которых («бысть сеча зла») русские князья потерпели поражение («изымани быша вси, а бояре ихъ и дружина вся избиты бяху, а инии изымани»). Половцы вызывают оставшихся на Руси князей («придите по братию свою»), но объединенное великим князем войско («придоша вси в Киевъ, и выступиша къ Каневу»), узнав о бегстве половцев за Дон, вернулось («и разыдошася кийждо восвоися»). Половцы двинулись вслед («идоша

⁸ А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI в. СПб., 1900.

къ Переславлю»), но, встретив только сопротивление Владимира Глебовича, вернулись. Посулье же было ими ограблено.

При явном событийном сходстве обеих версий, как видно из приведенного сопоставления текстов, различия в трактовке событий значительны. В оставшейся за пределами Лицевого свода версии ничего не говорится о сепаратизме Ольговичей, об успешном предыдущем походе, о крайне

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 642.

честолюбивых планах инициаторов похода 1185 г., который выглядит более локальным, каким-то скромным частным предприятием. Нет здесь и сентенции по поводу судьбы оставшейся после набега Игоря части русских дружин. Да и объясняется неуспех Ольговичей только их характером («богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать»), мнимое изменение которого спасает Игоря («не оставитъ бо господь до конца праведника въ руку грешнику, и сердца сокрушена и смирена богъ не уничтожитъ, и егда обратишия и воздохнеши, тогда спасешися»).

Таким образом, можно утверждать, что составители Лицевого свода стремились сделать свой рассказ о походе 1185 г. в высшей степени нравоучительным. Используя для этого две различные редакции рассказа о по-

ходе 1185 г., они имели выбор. Рассмотрим теперь версии Никоновской и Воскресенской летописей.

По Никоновской летописи, Ольговичи, « совеща́шася », вышли в половецкую землю, где, разбив своих противников, взяли большой полон («жены ихъ и дети ихъ, а вежи ихъ пожгоша»). Между тем половцы, готовясь выступить всеми силами («начаша збиратися»), втягивают русских

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 643.

князей в глубь степей («аки демоны сюду и сюду скакати, ни наступающе, ни прочь отходяще»). С приходом основных сил половцев русские князья терпят сокрушительное поражение («погибе Русских вой память съ шумомъ»). Великий князь, узнав о поражении («возплакаше, кричаще аки ума и смысла испадоща»), послал за дружинами других русских князей («собравъ воинство много») и выступил к Каневу. Отойдя за Дон, половцы дождались возвращения русских дружин («и возвратишася къ Киеву, и разыдошася въ страны своя») и выступили («гнаша тайно въ следъ ихъ») к Переяславлю, где встретили сопротивление Владимира Глебовича. Разграбив города по Суле, половцы вернулись в степь.

Никоновская летопись объясняет неудачу Ольговичей их гордыней («не ведяще яко богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать»),

счастливое же бегство Игоря из плена, наоборот, праведностью князя («смирена богъ не уничтожитъ, и егда обратишия и воздохнеши, тогда спасешися»).

Воскресенская летопись совсем по-иному описывает трагические события 1185 г.⁹ Ольговичи вышли в поход, игнорируя общерусские интересы («поидоша сами собою»). Победа над передовым отрядом половцев («по-

ГПБ, F. IV, 233, л. 646.

слаша по всей земли той, а сами поидоша противу князей, ожидающе дружины своей) породила в русских князьях тщеславные планы («а еще поидем за ними за Донъ», «идемъ по нихъ и до лукомориа»). Встреча Ольговичей с объединенными силами половцев была для русских князей более чем неожиданной («Олговичи же видевше ихъ ужасошася и величания своего отпадоша»). Печальная весть дошла до Киева («и возопиша все въ болезни сердца, и бысть плачь и стенание»), однако же дружины великого князя, вышедшие на половцев, возвратились, дойдя лишь до Канева («и разыдошася кийждо восвоеси»). Половцы в свою очередь взяв города по Суле, остановились у Переславля. Героическое сопротивление Владимира Глебовича и горожан («сташе крепко битися с ними») спасло город.

⁹ Рассказ Воскресенской летописи восходит к Лаврентьевской летописи (ПСРЛ, т. I, стб. 395—400), подробный анализ которой см.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 18, 194—198.

Бегство Игоря, счастливое («избави его бог изъ руки поганых») для него самого, имело печальные последствия для дружины («прочих же начаша твердо дръжати и многими железы отягчати ихъ»).

Таким образом, очевидно осуждение Воскресенской летописью сепаратистских тенденций: игнорирование общерусских интересов со стороны Ольговичей; их тщеславие, несопоставимое с реальными возможностями

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 646 об.

(«строения божия не вѣдуще»), — а победить половцев можно лишь обще русскими силами («Половци же услыша всю землю Рускую идущу, бѣжаша») — и есть причина («грехи») поражения («побежени быша князи Рустии, гневом божимъ»).

Итак, составители Лицевого свода, взяв за основу версию Воскресенской летописи, дополнили ее подробностями битвы Ольговичей с основными силами половцев и выступления русских дружин во главе с великим князем Святославом Всеволодовичем, составили новую редакцию рассказа о походе 1185 г., основная тенденция которого так знакома нам по поэтическому произведению.

Однако содержание л. 641—652 Лаптевского тома Лицевого свода не исчерпывается летописным рассказом, ведь он дополнен 23 миниатюрами, а художник выступает здесь не только как иллюстратор, но и как интерпретатор текста.

Рассказ Лицевого свода начинается с входной миниатюры л. 641, изображающей «поход». Группу всадников возглавляет Игорь. Он в княжеской шапке, в красном плаще. Над дружиной развеваются флаги, символизирующие «поход», военное предприятие. Затем, на л. 641 об., показан выезд князей. В верхнем левом углу дружина Игоря. Он старший, поэтому бородат, за ним — два молодых безбородых сына. Все трое в княжеских

и въспедикитише псцини то да бѣа
 а полоднѣ и прочіи снѣмъ шаша шѣ
 о іорднѣ цѣхъ спонхъ, тѣко сѣтѣ орн
 шше сѣдъ, по дѣла шше
 крѣдѣ асноу ма
 кѣмъ сѣла
 нѣта
 до
 шѣ

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 647.

шапках. Чуть ниже и правее — вторая дружина, еще ниже — третья. Это — «Всеволодь ис Трупча и [О]лговичъ Святославъ из Рылска». По нижнему краю миниатюры — Ольговичи входят «в землю Половецкую». Все воины в шлемах, доспехах. (Вовсе не обязательно было изображать реальный поход войска, когда оружие везли в обозе). Действие развивается на миниатюре л. 642. Снова изображено русское войско, навстречу которому двигаются половцы, также вооруженные («поидоша противу князем»). В самом верху две группы: половецкие гонцы сообщают о выходе Ольговичей и необходимости совместного выступления («ки послаша по всей земле той»). На л. 642 об. типичная для миниатюр Лицевого свода сцена битвы. Это Ольговичи встретились с передовыми силами половцев. Новый поворот событий развертывается на миниатюре л. 643 —

похвальба Ольговичей: вверху в центре в большом шатре восседает Игорь, окруженный дружиной. Все они оживленно жестикулируют («а мы въ земли ихъ есмы избили ихъ»), один из князей указывает на реку справа («а еще поидем за ними за Донъ»). Внизу справа лежат «избитые» половцы. Они погибли в битве (все в доспехах). Слева женщины и дети («а жены ихъ и дети у насъ в полону»).

ГПБ, F. IV, 233, л. 649 об.

Ольговичи выступили к Дону. На л. 643 об. русские дружины по-прежнему в нижней части миниатюры. Впереди Игорь в красном плаще на белом коне. Позади — полон. В верхнем правом углу бежавшие от разгрома половцы («остаток») беседуют со своими соплеменниками («сказапа имъ свою погыбыль»). На миниатюрах л. 644 и 644 об. показаны стычки половцев с дружинами Игоря. Наконец, появляются главные силы половцев («бысть ихъ многое множество»). На л. 645 в верхнем углу два князя впереди дружины. Игорь опознается по красному плащу. Князья беседуют (характерный жест рук — жест общения). Они смотрят («ужасошася») направо, откуда появляются половцы. Внизу — сцена битвы («половцы же устремишася на нихъ, и притиснуша ихъ къ воде»). Река об-

разует своеобразный передний план миниатюры. Битва изображена также и на л. 645 об.

Половцы побеждают и пленяют русских князей. На л. 646 Ольговичи окружены: половцы справа и слева. В центре, вероятно, Игорь (в красном плаще). Перед ним и позади (т. е., по мысли миниатюриста, вокруг) пленяющие его половцы. На пленных уже нет доспехов («и изымаша князей

Не единъ вестникъ придетъ
 ни въ вѣстникъ Игорю
 ршиахъ . половцы же
 многи мѣ половцѣ
 въ зарати
 шледице
 и
 спон

ГПБ, F. IV, 233, л. 651 об.

Рускихъ»), они перестают быть воинами, лишаются воинской доблести, «имут срам». Дружины Игоря пленены. На л. 646 об. внизу справа изображены Ольговичи (княжеские шапки они сохраняют). Они все без доспехов, руки связаны сзади. Ниже их изображены убитые дружинники (в доспехах), не разделившие пленения и позора своих князей. Справа вверху — русские князья, еще ничего не знающие о судьбе Ольговичей («ни единъ вестникъ придет»). Ниже князей — проезжающий купец, половцы указывают ему на русских князей («гость поиде путемъ темъ, Половцы же приказаша съ нимъ къ Русскимъ»). Известие о печальном событии достигло Киева. На миниатюре л. 647 перед «столом», на котором восседают киевские князья (в центре выделяется Святослав Всеволодович), стоит купец, указывающий вверх направо (рассказывает о трагедии

Ольговичей, изображенных за «горками» в окружении половцев). Двое из киевских князей прижимают ладонь, сжатую щепотью, к щеке — жест печали («возплакаше»).

Новая фаза событий. На л. 647 об. показан сбор князей, а затем, на л. 648, их выход к Каневу. Художник изображает Дон, пересекающий миниатюру по диагонали. Слева внизу — русские князья, возглавляемые

Помаже днехъ . и горюстославнцю
 Кнѣгоушюуидъ . оутичюполошиць
 иштанисюгъпраиногоардиюуръ
 шичи . юнишлжтенимъ иниобъ
 тошлго . итикоиуэлансгобдизръ
 коупоганыхъ . проихъжмачашлс
 рршдръжати . иишгмилижльзи
 шпалчлстнихъ . сѣжисе
 быстьзатрехи
 нашесъ .

ГПБ, Ф. IV, 233, л. 652.

Святославом. За рекой укрылись половцы. Так же они изображены и на л. 649. Они выжидают, когда же русские князья возвратятся («слышавше бежавшихъ Половцевъ, и возвратишася»). Здесь же, в центре и в левом верхнем углу, показан разъезд князей («разыдошася в страны своя»). Едва они успели уйти, половцы тайно возвращаются к Переславлю. На л. 649 об. изображена уходящая дружина (впереди ее князь), вслед которой двигаются половцы. Один из них указывает в сторону русских («половци же слышавше ихъ отшедшихъ»).

С уходом дружин Святослава Сула стала беззащитной. На л. 650 изображены половцы, берущие города. У самого верхнего (Переславль) навстречу половцам выходит русская дружина (Владимир Глебович гото-

вится встретить противника). Героическая оборона города («у Переаславля же бшася день») показана на миниатюрах л. 650 об., 651, 651 об.

Финал рассказа о походе Ольговичей художник иллюстрирует на л. 652 со всеми подробностями. Внизу — бежит Игорь («утече у половецъ»). Он сохраняет княжескую шапку и красный плащ, но лишен доспехов и бежит («утече») не на коне, а именно бежит — ногами, прячась за деревьями. Следом послана погоня («гонища же по немъ и не обретоша»). Всадники погони не знают пути беглеца: один указывает налево, другой — направо («не обретоша»). В левом верхнем углу изображена сцена заковывания плененных Ольговичей («многими железы отягчати ихъ»). Но самое любопытное в миниатюре л. 652 то, что Игорь изображен безбородым. Неясно, ошибка ли художника это, или он сделал так намеренно: беглец и борода несовместимы; но, может быть, Игорь бежит («утече») быстро, как подобает молодому человеку, а не украшенному бородой средовеку. Возможно, художник знал отвергнутый вариант Никоновской летописи («Половци же много гнашеся за нимъ, и не постигоша, якоже Саул Давида») — и тогда он, уподобляя Игоря Давиду, изобразил князя безбородым.

Таким образом, художники, иллюстрировавшие рассказ о походе 1185 г., достаточно полно отразили в миниатюрах текст летописи. Ни один из важных аспектов повествования не остался за пределами миниатюр. Изображения в каждом отдельном случае достаточно наглядны и понимаются до прочтения текста. Важнейшие особенности любого объекта повествования прослеживаются на протяжении всего рассказа. Так, Игорь всегда изображается в княжеской шапке, почти всегда в красном плаще (исключение — на л. 641 об. в нижней части миниатюры). Игорь легко узнаваем, как и два сопровождающих его сына. На всех миниатюрах русские князья, находящиеся в походе, одеты в доспехи, которые (вероятно таково представление художника о роли князя-воина) теряются ими при «изымании». Пленники изображаются уже без доспехов (текст об этом не сообщает, но, видимо, «изымание» лишает воинской чести, и художник это специально и последовательно подчеркивает). Это понятно — они перестали быть воинами, какими остались их погибшие товарищи («мертвые сраму не имут»). В доспехах изображаются и погибшие в битве враги-половцы. Последовательно выделяют миниатюристы и других действующих лиц рассказа (Всеволода, Святослава «из Рылска», великого князя Святослава Всеволодовича, Владимира Глебовича, «гостя»), но безличные половцы так и остаются изображенными группой-дружиной (в тексте ведь не названо ни одного половецкого имени), из которой выделяются только лишь послы, приносящие весть о выходе Ольговичей и о первой битве.

Для миниатюр рассматриваемого цикла характерно полное отсутствие сверткестовой информации о событиях. Художники изображают только то, о чем можно прочесть. Сверткестовая информация лежит в рамках восприятия художником описываемых событий, она раскрывает представление миниатюриста, его восприятие отражаемого текста, его отношение к событиям, поведению героев повествования и их взаимоотношениям. Вторая особенность цикла — отсутствие деталей: изображается только основное, важное при всей их конкретности. И если на миниатюре изображено нечто, выходящее за рамки текста данного листа, как это сделано на л. 647, где не идет речи о половцах и плененных Ольговичах, но они изображены в верхнем правом углу, то ведь именно об этом написано на л. 646 об. Близкая ситуация и на л. 648. Здесь в тексте половцы также не упоминаются, но поскольку на л. 649 об. указано об отходе их («и бежаша за Донъ»), половцы изображены скрывающимися за рекой.

Таким образом, составители текста и миниатюристы добились единства, когда «зримое рассказывает — рассказываемое зримо»,¹⁰ когда по-

¹⁰ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е. М., 1979, с. 54.

вествовательное время текста органически дополняется повествовательным пространством миниатюр.¹¹ И если текст рассказывал, что произошло летом 1185 г., то миниатюристы показывали читателю и зрителю Лицевого свода, как это произошло.

Анализ текста и миниатюр Лицевого свода, посвященных походу Игоря, дает возможность сделать интересные предположения по истории самой рукописи. Сопоставление текста Воскресенской летописи с Лицевым сводом позволяет исключить из числа возможных его источников Академический XII (Воскресенский), Академический XIII (Алатырский) и Архивский III списки. Текст Лицевого свода полностью совпадает с текстами Карамзинского и Синодального списков. Отличий текста Воскресенского и Алатырского списков от текста Лицевого свода немного, однако рассмотрим их.

Воскресенский
и Алатырский списки

Лаптевский том,
Синодальный
и Карамзинский
списки

...ходили съ Святославомъ съ великимъ, и билися...
...а мы въ земли ихъ есмы избавили ихъ...
...и поступиша мало по воде...

...ходили съ Святославомъ съ великимъ княземъ, и билися...
...а мы въ земли ихъ есмы избили ихъ...
...и поступиша мало къ воде...¹²

Столь же невелики в данном фрагменте текста и отличия Архивского III списка от Лаптевского тома, Карамзинского и Синодального списков.

...мы есми или не князи...
...братъ его Всеволодъ изъ Трубчевска...
...мы есми цы не князи...
...братъ его Всеволодъ изъ Трупча...¹³

При всей ограниченности разночтений, на их основании можно, однако, высказать предположение: для Лицевого свода использовался протограф одного из уже упомянутых списков — Карамзинского или Синодального.¹⁴

Сопоставление списков Никоновской летописи оснований для выделения какого-либо одного из них в качестве источника Лицевого свода (на данном фрагменте) не дает. Отличия поздних списков, традиционно считающихся копиями списка Оболенского (или копиями с копий),¹⁵ учитываться не могут, а разночтений списков Оболенского и Патриаршего — за одним незначительным исключением: в Лаптевском томе и списке Оболенского — «такое сотворившееся, возплакаша»; в Патриаршем — «такое сотворившееся, возплакаше»¹⁶ — нет.

Интересным может оказаться и анализ миниатюр. Исследователь Лицевого свода О. И. Подобедова подчеркнула особую трудность такого анализа. Миниатюра могла быть результатом работы нескольких художников, один из которых делал прориси свинцовым карандашом, другой обводил их чернилами, третий расцветчивал. Впрочем, можно выделить миниатюры (как отдельные, так и циклы), полностью сделанные одним мастером.¹⁷

Цикл миниатюр о походе 1185 г. выполнен двумя мастерами. Руке одного художника принадлежат рисунки на л. 641, 641 об., 643, 643 об.,

¹¹ Об этом подробнее см.: там же, с. 22 и след.

¹² Ср.: ПСРЛ, т. VII, с. 98, примеч. 3, и; с. 99, прим. а; т. X, с. 12—13.

¹³ Ср.: ПСРЛ, т. VII, с. 98, примеч. е, ж; т. X, с. 12.

¹⁴ Карамзинский список написан скорописью XVII в., Синодальный — конца XVI в. (ПСРЛ, т. VII, с. VIII).

¹⁵ Б. М. К л о с с. Никоновский свод..., с. 266—295.

¹⁶ ПСРЛ, т. X, с. 14.

¹⁷ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 148—154.

646, 646 об., 647 об., 649, 650, 650 об., 651 об. Он же был автором миниатюры л. 640. Это — шестой рисовальщик, по О. И. Подобедовой.¹⁸ Руке второго художника принадлежат рисунки на л. 642, 642 об., 644, 644 об., 645, 645 об., 647, 648, 648 об., 649 об., 651, 652. Это — первый рисовальщик, по О. И. Подобедовой.¹⁹

Первый из названных миниатюристов владеет довольно уверенным рисунком, круглящейся линией. О. И. Подобедова отмечает его излюбленный прием: изображение старца, средовека, юноши. В данном цикле их нет всех вместе, но типы указанные прослеживаются. Для этого художника характерны свободные, не перегруженные композиции. Среди рисунков этого мастера нет сложных многофигурных композиций. Они локальны и раскрывают лишь канву повествования, главную мысль текста. И даже изображения княжеских дружин чрезвычайно скромны и компактны.

Этому мастеру удаются решения, — как, впрочем, и другим миниатюристам Лицевого свода, — очень сложных для художника задач. Без видимой трудности он может раскрыть не только зрительно передаваемый сюжет («Некто же гость поиде путемъ темь, Половцы же приказаша съ нимъ къ Русскимъ княземъ, глаголюще: „пойдете по свою братию, или мы к вам идемъ по своимъ.“») — «гость» перед половцами (попытаемся представить этот сюжет, воплощенный художником XX в.), — но и содержание беседы. Перед зрителем предстают и едущий «гость», и беседа его с половцами, и плененные Ольговичи, и русские князья в оживленной беседе (движения их рук можно условно назвать «жестом общения»). Князья обсуждают неизвестность положения дружины Ольговичей.

Еще более успешно такую сложную задачу удается решить второму рисовальщику — автору миниатюры рассматриваемого цикла. Он передал зрителю не только ситуацию — «гость» перед великим князем Святославом Всеволодовичем, но и содержание рассказа «гостя», т. е. зримый образ мысли. В миниатюре на л. 647 мастер изображает, отделив «горками» пленных (без доспехов) Ольговичей в окружении половцев. Художник выделяет сообщающего известие «гостя» «указующим» жестом руки, направленной в сторону пленных.

Такой прием позволяет рисовальщику значительно расширить информативность миниатюры, сделать зрительный образ доступным читателю.

Миниатюры Лицевого свода неразрывно связаны с текстом. Своеобразный сигнал, они сразу же вводят читателя в среду повествования, подготавливают его к восприятию текста. Уже знакомый с событиями по миниатюре, читатель обращался к тексту и там находил описание этих событий, что для человека XVI в. воспринималось как абсолютно достоверное (можно сказать — писанное документально). И затем читатель снова находил в миниатюре подтверждение текста, узнавая его героев, подробности событий. При этом, пожалуй, в сознании его не акцентировалась символичность образов, созданных художником, так как зритель мыслил теми же категориями.

Неразрывность текста и иллюстраций подчеркивается функциями миниатюр. Они не только дополняют текст, но и дают образную его интерпретацию, способствуют более эмоциональному его восприятию; являясь средством расстановки акцентов, они выделяют самое важное, содержащееся в тексте, вводят конкретное событие в более широкую обстановку — географическую и топографическую среду. Вместе с тем миниатюры являются очень важной частью художественного оформления книги. Они организуют и украшают плоскость листа, создают композиционную завершенность и единство цветовых пятен формата рукописи, миниатюры, зависящей от размера листа, и пространства, занятого тек-

¹⁸ Ср.: там же, с. 157, рис. 51; характеристика рисовальщика на с. 154.

¹⁹ Ср.: там же, с. 151, рис. 46; характеристика рисовальщика на с. 151.

стом, определяя тем самым торжественный, парадный облик кодекса, несовместимый с суетностью быстрого чтения, предназначенный для неспешного просмотра, знакомства.

Такой характер рукописи определил и тщательность подготовки текста,²⁰ основанного на базе нескольких значительных официальных летописей и проникнутого комплексом важнейших для его создателей идей.²¹ Одной из них была идея «самодержавства», освященная в глазах современников успехами восточной политики. Присоединение Казани и Астрахани осуществлено молодым Иваном Грозным, а создатели Лицевого свода были свидетелями последней схватки государя с удельным князем. Видимо, не случайно они утверждали на листах Царственной книги (один из последних томов Лицевого свода), что Андрей Иванович Старицкий отказался от «Казанского дела», «а сказался болен» и в то же время посылал грамоты детям боярским и помещикам, в которых призывал «их къ себе служить».²² Не здесь ли искать причину включения столь назидательного рассказа, как повествование о трагическом походе Ольговичей, завистливых и кичливых и потому наведших «гнев божий на Русския воя».

---

²⁰ Почти полтора века назад Д. В. Поленов отмечал, что Лицевой свод — «лучшая летопись из предыдущих», он полнее и более точно исправлен (Д. В. Поленов. Библиографическое обозрение русских летописей. СПб., 1850, с. 28—42).

²¹ Об этом подробнее см.: О. И. Подобедова. Миниатюры. . ., с. 114 и след.

²² ПСРЛ, т. XIII, с. 429, 430.